Научная статья
УДК 316.776.3; 316.35
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-10-37

ТОПОГРАФИЯ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ С РИТОРИКОЙ ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ВРАЖДЫ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»*

Владимир Иванович Красиков

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

KrasVladIv@gmail.com

Аннотация

Проблема, определяющая научную актуальность предлагаемой работы, предстает в виде неопределенности (дефицита знаний, их фрагментарности и неорганизованности), существующей в части понимания сути активности недавно появившихся, в основном молодежных, онлайновых сообществ в социальной сети «ВКонтакте», отличающихся риторикой политической вражды по отношению к некоторым другим группам людей и государству, общественным порядкам. Целью исследования является определение топографии подобных сообществ в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте», составление карты их модульной организации. Для обнаружения радикального контента мы применили систематический поиск в сети по ключевым словам тезауруса того или иного направления – с использованием ряда парсеров «*VKTOPPOST*»: как в автоматическом режиме, так и применяя ручную обработку. Полученный эмпирический материал препарировался при помощи совокупности исследовательских процедур: контент-анализа, интеллектуального анализа данных для определения мировоззренческих представлений; метода эвристической кластеризации, фокусируемой на групповых идеологиях, и др. В итоге мы выяснили, что топография виртуального пространства радикальных онлайн-сообществ с политизированной риторикой «ВК» может быть представлена в виде пяти основных модулей: 1) правых радикалов с секторами: «государственни-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080, https://rscf.ru/project/23-28-00080/.

ков», «националистов», «расистов» и «православных монархистов»; 2) леворадикалов с сегментами: «реставрационного коммунизма (социализма)», «новых левых», «анархистов» и «Антифа»; 3) политизированного гендера с частями: «радикальных феминисток» и «маскулистов»; 4) радикальных либералов с фракциями: «идеологических радлибов», «радлибов «цветной революции»» и «радлибов экстремистского толка»; 5) сатанистов в ипостасях: «сатанистов лавеистского направления» и «религиозных» сатанистов. Новизна статьи состоит в эмпирическом и теоретическом анализе ранее неисследованного фрагмента радикальной активности в «ВКонтакте». Материалы статьи введут в научный оборот множество как эмпирических данных, так и теоретизаций, которые могут заинтересовать не только обществоведов, но и практических управленцев, специалистов по безопасности.

Ключевые слова: топография виртуального пространства сообществ радикалов в «ВКонтакте»; радикальная политизированная риторика; правые радикалы; левые радикалы; политизированные гендерные сообщества; радикальный либерализм; сатанизм.

Для цитирования: *Красиков В. И.* Топография онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды в виртуальном пространстве социальной сети «Вконтакте» // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 10–37. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-10-37

Research Article

TOPOGRAPHY OF ONLINE COMMUNITIES WITH THE RHETORIC OF POLITIZED HOSTILITY IN THE VIRTUAL SPACE OF THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK*

Vladimir I. Krasikov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

KrasVladIv@gmail.com

Abstract

We can formulate the problem that determines the scientific relevance of this work as a lack of knowledge about online youth communities with the rhetoric of political hostility in the VKontakte social network. We define the purpose of the study as identifying the topography of these communities in the virtual space of the VKontakte social network and mapping their modular organization. As a methodology, we applied a sys-

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00080, https://rscf.ru/project/23-28-00080/.

tematic search in the social network for thesaurus keywords using a number of "VKTOP-POST" parsers. To analyze the empirical material obtained, we used the following research procedures, namely: content analysis; data mining to determine worldviews; method of heuristic clustering focused on group ideologies, etc. As a result, we found out that the topography of the virtual space of radical online communities with politicized VK rhetoric can be represented in the form of 5 main modules, namely: 1) the module of right-wing radicals, which has sectors of "supporters of a strong state", "nationalists", "racists" and "Orthodox monarchists"; 2) the radical left module, consisting of the segments of "restoration communism (socialism)", "new left", "anarchists" and "Antifa"; 3) the module of politicized gender formed by "radical feminists" and "masculists"; 4) the module of radical liberals, which includes the "ideological" faction, the faction of adherents of the "color revolution" and the "extremist" faction; 5) the module of Satanists, represented by the incarnations of "Satanists of the Laveist direction" and "religious" Satanists. We believe that our empirical and theoretical study of a previously unknown fragment of radical activity on VKontakte has signs of scientific novelty. We have received scientific results that may be of interest to both social scientists and practical managers, security specialists.

Keywords: topography of the virtual space of communities of radicals on VKontakte; radical politicized rhetoric; right-wing radicals; left-wing radicals; politicized gender communities; radical liberalism; Satanism.

For citation: *Krasikov V. I.* Topography of Online Communities with the Rhetoric of Politized Hostility in the Virtual Space of the *Vkontakte* Social Network. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3, pp. 10–37. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-3-10-37

Введение. Актуальность и постановка проблемы

К хорошему, как известно, привыкают быстро. Нам кажется, что современный формат мгновенных сообщений и доступность онлайн-общения всем и везде – это норма. Однако совсем недавно, по историческим меркам, Интернет в России, да и не только, оставался роскошью: иметь мобильный телефон, электронную почту – означало принадлежать к состоятельным либо власть предержащим людям. Соответственно, политические дискуссии в Сети были доступны немногим, большинство из которых были вполне довольны существовавшим порядком вещей. Потому сетевая пресса в Рунете была на первых порах почти исключительно неолиберальной. Однако так продолжалось недолго. Дальнейший технический прогресс, в разы удешевляющий средства новой коммуникации и ее обеспечение, приносит радикальную «технологическую демократизацию».

Соответственно этому тотчас появляются правый и левый сегменты Рунета, пребывавшие сначала практически в младенческом состоянии. «Крупье онлайн игр» в киберпространстве того времени, как и в политике, были либеральные сайты, такие как, например, «Панорама» или центр «Сова», критиковавшие все нелиберальное (право-левое) и составлявшие «каталоги ресурсов радикалов» в русской Сети [1].

Но и это уже «архаика», ибо живем мы поистине во времена головокружительных изменений именно в коммуникативной сфере. В последнее десятилетие традиционные СМИ, не только печатные, но и телевизионные, постепенно впадают в состояние, родственное коматозному, а всеобщее внимание уверенно перемещается в социальные сети. Интернет-революция переходит в революцию социальных сетей. Последние стартовали с начала XXI в., став триумфаторами его первого десятилетия: *LinkedIn* (12.2002); *Myspace* (08.2003), *Facebook* (04.2004), *YouTube* (02.2005), *Twitter* (03.2006), «Одноклассники» (03.2006), «ВКонтакте» (10.2006), *WeChat* (01.2011) и др. Развитие социальных сетей, диктуемое «экономикой внимания», которая только и мотивирует по-настоящему эти коммуникационные платформы, основано на дублировании в виртуальной сфере векторов объединения и конфронтации, имеющих место быть в офлайн-социуме. Это привело к диверсификации киберпространства – аналогично социуму: созданию уже самодостаточного виртуального пространства, характеризующегося сильной фрагментацией и резкой поляризацией между сообществами.

Наиболее масштабный прецедент подобного автономного виртуального пространства представляет собой российская социальная сеть «ВКонтакте».

Так, по данным российской компании *Brand Analytics*, предоставляющей данные о социальных сетях, к июню 2023 г. в «ВКонтакте» было около 26,5 млн авторов, написавших хотя бы один публичный пост за этот месяц (все вместе – более 447 млн сообщений), – это около $^{1}/_{5}$ части современного населения России, причем в столицах количество пользователей доходит до половины населения (г. Санкт-Петербург) либо почти его трети (г. Москва). И все это больше, чем другие присутствующие на территории РФ социальные сети, такие как *Instagram*, *Facebook*, *YouTube* и *Twitter*[1], вместе взятые. Причем до 75% «населения» виртуального пространства «ВКонтакте» – люди моложе 40 лет, т.е. те, кто сейчас считается «молодежью» [2].

1. Исследовательская проблема

Мы знаем, что в настоящее время в социальных сетях (в нашем случае «ВКонтакте») существует целый ряд разнохарактерных групп, с преимущественно молодежным составом, с отчетливо выраженной политизированной враждебной риторикой, однако у нас мало знаний об их взглядах, мотивациях и самоорганизации. Главное же то, что у нас отсутствуют четкие представления об их интернет-дислокациях и структурах взаимоотношений, тем более мы можем лишь предполагать о потенциале их радикализующего влияния на другие слои молодежи.

Итак, научная проблема, инициирующая появление данной работы, предстает в виде неопределенности (дефицита знаний, их фрагментарности и неорганизованности), существующей в части понимания сути активности недавно появившихся, в основном молодежных, онлайновых сообществ, отличающихся риторикой политической вражды по отношению к некоторым другим группам людей и государству, общественным порядкам. Устранение этой неопределенности необходимо как в эвристических целях описания и концептуальной характеристики новых

[1] *Facebook* и *Instagram* признаны экстремистскими организациями и запрещены в РФ.

необычных объектов социального познания, так и в прагматико-регулятивных целях диагностики и учета всего спектра их проявлений, возможного правового упреждения их вненормативных эксцессов.

2. Цель и задачи

Целью предлагаемого исследования является определение топографии сообществ с риторикой политической вражды в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте», с картой их модульной организации (в соотношениях антагонизма, союзничества, партнерства между собой).

Для ее достижения нам нужно было решить ряд задач:

– определить состав имеющихся концептуальных ресурсов, выработанных предшествующими исследованиями в заявленной области – в отечественной и зарубежной литературе, уделяя особое внимание имеющимся конкретным исследовательским кейсам;

– на основе этого анализа разработать соответствующий методологический инструментарий (критерии интернет-поиска и основания классификации, тезаурусы) и конкретный дизайн исследования;

– классифицировать полученный эмпирический материал по соответствующим содержательным основаниям и представить в виде модели виртуальной топографии основных модулей виртуального пространства радикальной части пабликов социальной сети «ВКонтакте».

3. Обзор литературы

Проведенный мониторинг современного состояния исследований по заявленной проблеме показывает, что наличествует довольно большой контент отечественных и англоязычных источников, посвященных анализу радикальной политической онлайн-активности. Однако львиную долю его составляют общетеоретические рассуждения относительно радикализма и экстремизма в сети, или же это анализ деятельности экстремистских и террористических киберсообществ, без особого внимания к их возрастному составу. Причем более акцентируются политические и юридические аспекты борьбы с ними, нежели выявление и понимание их психологических, мировоззренческих, лингвистических и прочих субкультурных особенностей [3–10].

Конечно, это не означает, что отсутствуют исследования, обращенные к анализу отмеченных выше особенностей. Уже можно отметить группу работ, которые предлагают обобщенные модели: как виртуального молодежного протестного поведения в Сети, так и радикальной молодежной субкультурной идентичности в онлайн-пространстве [11–13]. Также рассматриваются механизмы групповой консолидации, формирования радикальной субкультурной идентичности [14; 15]. Хотя эти наработки имеют абстрактный характер, так как являются теоретизациями и авторскими конструкциями, тем не менее они участвовали в нашей эмпирической верификации и некоторые из них вполне пригодились.

Напротив, для англоязычных исследований характерно стремление к конкретно-количественным замерам психологических и ментальных особенностей форми-

рующейся идентичности молодых людей, параметров ее уязвимости от потенциально радикализирующихся сверстников, средств массовой информации и других социальных сред [16–21]. Подобные кейсы стали хорошим материалом для дополнения к нашим замерам радикальных пабликов в сети «ВКонтакте».

Отечественные же исследователи, как отмечалось выше, отдают предпочтение анализу общих особенностей, в нашем случае – политической активности (идентичности) молодежи в Рунете [22–26].

В отношении конкретных политических спектров больше всего работ – и в России, и за рубежом – нацеленных на изучение правых (расистов, националистов и пр.), вероятно, вследствие кричащей социальной демонстративности с их стороны.

Однако в нашем государстве львиная доля исследований правых посвящена анализу не онлайн, а скорее офлайн-феноменов [27–32]. И в небольшом количестве работ изучаются именно онлайн-феномены правых интернет-сообществ [33; 34].

В отличие от этого в англоязычной литературе существует много исследований, причем увеличившихся в последнее время, в связи с прецедентом Д. Трампа и появлением современных радикальных правых или альтернативных правых в США и не только (Италия, Швеция, Австралия и др.). Как свидетельствуют авторы данных работ, это уже не слабо организованная и в основном анонимная онлайн-субкультура, как ранее. Мы имеем дело уже с множеством правых онлайн-сообществ с формирующимися коллективными идентичностями. Исследователями рассмотрены кейсы платформ ультраправых онлайн-сообществ, таких как *8chan*, *4chan*, *Endchan* и *Kohlchan*, правых онлайн-форумов (*Stormfront* и др.). Они полезны в качестве возможных моделей для исследования уже их российских аналогов. Речь идет об анализе: особенностей использования языка и дискурса участников; специфики коллективных убеждений и эмоций подобных сообществ; механизмов достижения консенсуса внутри них; процессов идеологического обучения, производства мемов и трансгрессивных игровых фреймов [35–44].

Не в пример правым невелико число исследований леворадикальных сообществ в отечественной специальной литературе, и они посвящены в основном, за редким исключением, их офлайн-представленности [45–50].

На удивление также очень мало работ по левым радикалам и в англоязычной исследовательской литературе, особенно в сравнении с почти необъятным ее объемом в отношении правых. Возможно, подобная ситуация сложилась потому, что большинство современных западных интеллектуалов, авторов-исследователей являются открытыми или же латентными левыми (либерально-левыми)? Симпатии по крайней мере явственно ощущаются. Поэтому левыми радикалами считаются в основном «Антифа», и воспринимаются они куда как меньшее зло, чем правые [51–54].

Религиозный радикализм с политическими претензиями представлен прежде всего исламским, вернее, джихадистским. Статей на эту тему, особенно общественно-юридического характера, большое количество. Однако их преобладающая часть посвящена офлайн-контенту и лишь малая – экстремистской пропагандистской деятельности в пространстве Интернета, и мало статей, специально посвященных молодежным радикально-исламским онлайн-сообществам. Вместе с тем

особый интерес вызывают работы, исследующие российские исламские сообщества как специфические культуры со своими картинами мира, в которых при помощи методов интерпретативной и исторической антропологии выявляют особые индивидуальные и коллективные символы [55–58].

Сходные проблемы существуют и в англоязычной специальной литературе, занимающейся исследованием джихадизма. Однако здесь мы можем подчерпнуть интересные методологические идеи: рассмотрение радикальных виртуальных сообществ исламистов в виде особых самодостаточных цифровых экосистем; моделирование основ террористического мышления, процессов формирования и овеществления радикально-исламской идентичности. Представлены выявленные нарративы террористических манифестов джихадистских радикалов сообществ «Белые рыцари», «Черная броня», «Цифровые миры» [59–64]. К примеру, это нарратив трансформации главного героя в воина – борца за высшую цель, который больше не парализован моральной двусмысленностью.

4. Теоретико-методологические рамки исследования

Эффективность исследования, подобного нашему, зависит во многом от выбора действенных приемов, программ поиска и зондирования групп с радикальным политическим контентом в социальных сетях. В этом нам помог недавний опыт задействования существующих парсинговых сервисов социальной сети «ВКонтакте» [65; 66], равно как и соответствующий предшествующий опыт автора данной статьи [67–69].

Традиционными считаются семантические и синтаксические подходы в обнаружении языка ненависти как наиболее явственного предиктора радикальных онлайн-сообществ. И здесь существует обширная литература, в которой исследуются речевые практики и символическое поведение, свойственные сайтам ненависти: комментирование общественно значимых событий с явными эмоциями враждебности и вербальной агрессии; использование ников и аватаров с именами и фотографиями известных радикалов; призывы к насилию по отношению к представителям государственных органов, а также национальных меньшинств; негативные названия этнических групп, сравнения национальностей с неодушевленными предметами или животными и т.п.

Для обнаружения радикального контента мы использовали различные методы контент-анализа, основанные на выявлении шаблонов, которые разработаны в современной англоязычной исследовательской литературе. Отмечается, что язык вражды носит *тематически* направленный характер (мизогиния, сексизм, расизм, ксенофобия и т.д.) и каждое конкретное проявление языка вражды *нацелено* на различные уязвимые группы в зависимости от таких характеристик, как пол, здоровье (инвалидность), этническая принадлежность, раса, религия, сексуальная ориентация (гомофобия), социальное положение (социальная зависть, ресентимент) и т.д. Выявление тематики и целей в контенте осуществлялось при помощи: систематического поиска по ключевым словам; интеллектуального анализа данных для определения настроений; метода эвристической кластеризации, фокусируемой на групповых идеологиях, и др. [70–78]

5. Дизайн и методы исследования

Последовательность наших изысканий можно представить следующим образом: проведенный ранее мониторинг отечественной и зарубежной литературы по заявленной проблеме позволил нам определить критерии выявления радикальных сообществ в социальных сетях. Это:

– мировоззренческо-политическая озабоченность, мотивированная желанием изменить коренным образом существующее статус-кво с использованием широкого круга средств, в том числе и неконвенциональных, как доминирующий интерес группы;

– использование форм самовыражения, имеющих ненавистнический характер, направленных против каких-либо категорий людей, реальных или воображаемых, и наличных общественных порядков.

Дискурс-анализ современной исследовательской литературы привел к вычленению круга понятий и лингвистических индикаторов для ряда категорий радикального спектра, на основании чего были составлены их соответствующие тезаурусы. Речь идет о следующих категориях радикальных сообществ:

– левые радикалы (коммунисты ортодоксального спектра, социалисты, анархисты, Антифа, социал-демократы, антиглобалисты, новые левые и другие схожие комбинации);

– правые радикалы, в основном националистического и ультра-патриотического толка, также в разнообразных комбинациях;

– религиозные радикалы вне зависимости от конкретных конфессий;

– политически радикализованные гендерные группы: маскулисты и феминистки;

– радикальные либералы отечественной несистемной оппозиции.

Затем по разработанным тезаурусам был проведен ручной поиск радикальных пабликов – посредством парсера «Топ-1000 групп ВК» – по г. Москве, в населении которого ожидаемо было найти наиболее репрезентативных представителей искомых групп. Дополнительными к ранее выделенным содержательным критериям являлись формальные критерии отбора: открытость групп, их последовательное соответствие деструктивной тематике, их актуальная активность (должно было присутствовать обновление в текущем году). Использовался отчасти и так называемый метод снежного кома [22, с. 135], суть которого в отслеживании связей между авторитетными пабликами соответствующей ориентации в социальных сетях и связанными с ними отношениями мировоззренческой кооперации с меньшими по численности и влиянию группами. Найденные таким образом группы подвергаются подобной же процедуре поиска – и так до тех пор, пока образовавшийся «снежный ком» не вбирает в себя большинство участников, относящихся к одной из категорий радикалов. Метод довольно трудоемкий, но необходимый, в нашем случае – для определения степени влиятельности и авторитетности того или иного паблика в своей среде.

Ожидания оказались оправданными: искомые активные паблики по г. Москве были обнаружены. Из круга выявленных групп по каждой из категорий мы отобрали по 2-3 наиболее *радикально-репрезентативных* – с минимумом околичностей, двусмысленностей и эзопова языка. Они-то и стали модельными образцами для

перехода к следующему этапу – использованию другого парсера «*Vktoppost*»: автоматического поиска групп со схожей целевой аудиторией – уже по всей стране.

По каждой из категорий радикальных сообществ мы вводили в парсер по 2-3 *ID* тех групп, которые казались наиболее радикальными. По каждому *ID* в итоге парсинга мы получили список из 500 сообществ, релевантных (согласно программным установкам парсера) по идеологической направленности и тематике, со схожими стилем выражения и заявляемыми приоритетами.

Естественно, в силу имеющегося несовершенства и, так сказать, «крупноячеистости» поисковой сети обязателен весьма трудоемкий ручной отбор полученного в итоге списка из более чем 4000 пабликов, бóльшая часть которых имела мало отношения к обозначенным нами целям. Все же мы обнаружили удивительные совпадения в образовавшемся списке сообществ, полученных по разным *ID* поиска, что свидетельствовало о реальных связях и коммуникациях между ними. Еще более действенным оказался метод «личностного отслеживания»: по перечням сообществ, на которые подписаны сами администраторы радикальных пабликов и которые они любезно выставляют на всеобщее обозрение в своих личных аккаунтах.

6. Начальными гипотезами исследования были следующие предположения:

1. Был ожидаем привычный расклад радикализма: право-левый политический спектр, с доминированием левого как более привычной нам политической традиции; религиозный экстремизм в виде джихадистов и сатанистов; большое присутствие радикальной несистемной оппозиции, учитывая их повышенную активность буквально недавно.

2. Принимая во внимание прежний фаворитизм интересов и недавнюю историю протестов и политической борьбы, самыми активными предполагались радикальные либералы и исламские фундаменталисты.

3. В связи со спецификой переживаемого момента ожидалась активизация националистических и патриотических пабликов.

7. Полученные результаты

Мониторинг осуществлялся в течение более полугода (январь–июль 2023 г.). Идентифицируя радикальный контент, мы получили перечень из пяти модулей радикалов в виртуальном пространстве «ВКонтакте», включающих в себя 495 онлайн-сообществ с общим количеством участников в 6 765 697 профилей, из них по убыванию числа сообществ в модуле:

– 158 праворадикальных пабликов с общим количеством профилей в 2 729 854;
– 152 леворадикальных паблика с 1 475 373 подписчиками;
– 102 гендерно-радикализованных паблика, имеющих 1 871 015 профилей;
– 51 радикально-либеральное онлайн-сообщество с 382 810 участниками;
– 42 радикально-религиозных паблика (сатанисты) с 306 645 профилями.

В качестве источников для дискурс-анализа контента (по моделям Т. Ван Дейка и М. Холлидея) по каждому из идеологических направлений мы использовали онлайн-тексты групп, более других манифестирующих свои радикализм и ненавистничество.

Как уже было сказано, долгое время наше Отечество было «левым» по своей предшествующей истории и исходя из объективно-экономического статуса «развивающейся страны» склонным, как известно, к левацким настроениям. Ситуация, однако, изменилась. И хотя левые настроения по-прежнему сильны, доминирующим тоном стали все же правые, что и показал мониторинг. Далее оказалось, что третьим модулем радикальной части «*VK*» по числу онлайн-сообществ стал политизированный гендер в лице радикальных феминисток и маскулистов, которые также отличаются ненавистнической риторикой и призывами к решительным изменениям правовых и нравственных норм. Такие же риторику и призывы мы ожидаемо встретили в пабликах радикальных либералов. И наконец, существенные, потенциально деструктивные в отношении общественно-мировоззренческого консенсуса и нравственных основ в нашем современном Отечестве смысловые мотивы мы нашли и в онлайн-сообществах, позиционирующих себя «сатанистами».

В обозначенной последовательности мы и представляем пять основных модулей радикальных сообществ «ВКонтакте», характеризуя вначале их общий идеологический и тематический форматы, затем внутренние классификации главных направлений в каждом из модулей – по специфицирующим их смысловым моментам.

7.1. Модуль праворадикальных пабликов

Их общий идеологический и тематический форматы: апелляция к славному прошлому и традиционным ценностям; та или иная форма коллективизма и антииндивидуализма; антизападничество в виде анти(альтер)глобализма и отрицания практики политкорректности по отношению к пресловутым меньшинствам; та или иная форма мигрантофобии; скепсис вплоть до прямого отрицания современной власти; проектирование будущей национальной утопии.

Вместе с тем все это общее по-разному акцентируется и аранжируется, что позволяет классифицировать множество в 158 онлайн-сообществ следующим образом.

7.1.1. *Государственники* (и многочисленные присоединившиеся ультра-патриоты СВО) – объединяемы на основе национально-государственной идеи (Российская империя, СССР, РФ), а не этнической. Вполне понятный подъем, государственная сплоченность и воодушевление – перед лицом сильных врагов. Именно последнее, необходимость борьбы с врагами, и определяет здесь основной профиль радикальности. Она проявляется главным образом в резкой антипатии, вплоть до «понижения» врагов в их человечности, вменении им коварства, двоемыслия, двойных стандартов, злобы и ненависти. Главные враги – «либерасты», «извращенцы», «майдауны» и «богоборцы» – свои и европейско-американские; Запад и его система ценностей (Либеральный либерастъ /// маргинальный маргинал (15 000 подписчиков, https://vk.com/public164239893), Ватник-гомофоб (8508 подписчиков, https://vk.com/public77836574), Псы режЫма (19 000 подписчиков, https://vk.com/mode_dogs)).

В этом стане наличествует и взвешенный, рациональный компонент – правые интеллектуалы, стремящиеся избежать «аварии российской государственности» как выражения хронического дефицита пассионарности в российских элитах, необходимость ротации последних и «коррекции идеологии в сторону патриотичес-

кого самосознания и социальной справедливости» (Вестник Консерватора (46 000 участников, https://vk.com/club1401285), Красный путь (86 000 участников, https://vk.com/krasniy_put)).

7.1.2. *Националисты*, объединяемые национальной идеей: «русский – это больше чем национальность – это мировоззрение» (Россия везде, где есть русские! (195 000 подписчиков, https://vk.com/russdem)); «русский, помоги русскому» (Правые. Запасная (24 000 подписчиков, https://vk.com/rus_prav)); «за русский народ и его твердую власть в своей стране» (Те, кто позорит Россию... (26 000 подписчиков, https://vk.com/personsdisgracingrussia)); «Русские – это глобальный суперэтнос, находящийся в Пробуждении и Мобилизации» (Русская Сила (20 999 подписчиков, https://vk.com/rusilasu)), имеющий свой особый «русский код развития» (Русский код (20 000 подписчиков, https://vk.com/rus_kod)); «русский» – идея не этническая, а скорее политическая, т.е. это «политические русские», далеко необязательно по крови, но по культуре, историческому самосознанию, языку (Русский Националист (17 000 подписчиков, https://vk.com/rus_istina)).

В основном здесь поддерживают современное Российское государство, хотя и не без серьезной критической струи: осуждаются либеральный оппортунизм власти (уступки глобалистской повестке – в политкорректности, феминизации, политике рождаемости), ее беззубая мигрантская политика. Это порождает присутствие элементов маскулизма, шовинизма и антисемитизма.

Всякое общественное движение, основанное на гипертрофии этничности, ведет к расизму. И здесь мы уже можем встретить нарастание подобных мотивов: противопоставление европейского, «белого», начала азиатскому (кавказскому). Русские должны стать частью европеоидной общности – риторика «белого человека» в широком смысле слова, противостояние «инородцам» (не европеоидам) с их подавляющей силой размножения (Консервативная Революция (5636 подписчиков, https://vk.com/conservativerelovelution)).

7.1.3. *Расисты* – еще более радикальная разновидность националистов, провозглашающих примат крови и этноса – в определении и понимании «русскости», уже откровенно переходящих на расистские позиции. Они полагают государствообразующим этносом России «славянскую расу» (род «Русичи») и их исконную веру – родоверие (язычество). Христианство полагается выдумкой «нечестивого народа» (ярый антисемитизм), сконструировавшего «искусственную религию для господства», а Россия управляется не славянским руководством, которое ведет сознательную политику постепенной эрозии славянского населения через их замещение мигрантами (Славянский щит (16 000 подписчиков, https://vk.com/public215227974); Центр изучения этнической преступности (5079 подписчиков, https://vk.com/public184640001)).

В рамках этой радикальной расистской группы националистов существуют радикальные паблики на грани призывов к насильственным действиям, правда, пока они небольшие, по несколько сотен человек. Некоторые уже объявляют «набор добровольцев в Охранные Отряды, наш русский ответ на вызовы чуждых и враж-

дебных нам этнических группировок» (Охранные отряды!!! (662 участника, https://vk.com/rus_ohrana)) и организацию «движения националистов – против деруссификации России и интернациональной диктатуры! Против Путина, замещающей миграции и русофобии! За лучшее будущее, свободу и процветание всех славянских народов!» (Марш за отставку Путина. Колонна Националистов (836 участников, https://vk.com/event77187523)); Движение Националистов (278 подписчиков, https://vk.com/nationalism14)).

7.1.4. *Православные монархисты*, объединяемые лозунгом «Бог! Царь! Нация!» (Русская империя (65 000 участников, https://vk.com/russkajaimperia); Черная сотня (14 000 подписчиков, https://vk.com/chernosotnia)). Антикоммунизм, антисоветизм, крайне неприязненное отношение к современной российской власти – вполне органично следуют из тотального самозабвенного монархического восторга, царящего в этих пабликах. Ставят задачу не только пропаганды монархической идеи, но и «освобождения русского народа», которым «еще командует Советская власть» (Православная Самодержавная Монархия (20 000 подписчиков, https://vk.com/orthodox_autocratic_monarchy); Монархическая партия России (24 000 подписчиков, https://vk.com/monpartyamos)).

7.2. Модуль леворадикалов

Общие идеологические мотивы и темы левых радикалов: угнетение, эксплуатация, обман – основы современного социально-экономического, идеолого-мировоззренческого и нравственного положения; требование радикальных и решительных изменений (реформ или же революции); идеалы равенства, социальной справедливости и свободы как фундамента будущего социума; рациональность, просвещение и наука; интернационализм.

7.2.1. *Реставрационный коммунизм (социализм)*, безусловно, преобладает по числу пабликов и участников в левом секторе «ВКонтакте». Это 102 сообщества из 152 и 1 190 191 участник из 1 475 373, или соответственно 67% числа пабликов и 80% числа подписчиков.

Практически все они очень догматичны. Несмотря на то что большинство «населения» этих сообществ составляют молодые люди до 40 лет, их мышление отформатировано в соответствии со стандартными клише скорее советского марксизма, т.е. схематизированного, упрощенного и до крайности идеализированного, без всяких там модернистских и постмодернистских корректив. Можно видеть изобилие пабликов, посвященных советской политической практике (компартиям, ВЛКСМ, РКСМ и пр.), Ленину, Сталину, СССР. И все это орнаментировано мощнейшей ностальгией по «золотому веку», хотя бы и по рассказам-мифам постсоветского сознания.

7.2.2. *Новые левые* – это те сторонники социалистического развития, которые как раз и заняты ревизией, модернизацией идеологии – в соответствии с уроками прошлого и обстоятельствами современности. Это настоящие «романтики революции», и здесь мы можем встретить довольно-таки медийно известных персон

(Удальцов, Платошкин, нацболы Лимонова). И манифесты их также выполнены в соответствующей тональности: «индустриально-финансовый клещ [мировой капитализм. – *В.К.*] раздулся до планетарных масштабов… придет время, когда наши многочисленные железные батальоны пролетариата мерным шагом пройдут по всей стране, взяв то, что нашим трудом создано, то, что нам должно принадлежать» (Вестник Бури (56 000 участников, https://vestnikburi.com/vestnik-buri-manifest/)). В грядущей революционной ситуации «квазимонархический кремлевский режим» не выстоит, и потребуются радикальные изменения социально-экономического курса развития России, главные из которых все же марксистски хрестоматийны: национализация природных ресурсов, стратегических отраслей, банков. Разве что будут социал-демократические добавления в духе западных моделей «социального государства» (Левый фронт (17 000 участников, https://vk.com/leftfront); Манифест Левого Фронта (https://www.leftfront.org/?page_id=563); Левый блок (16 000 подписчиков, https://vk.com/public101966743)).

7.2.3. *Анархисты* – традиционный персонаж левого политического ландшафта, несмотря на большой плюрализм в названиях, течениях и направлениях: мютюэлисты, агористы, волюнтаристы, геолибертарианцы, левые ротбардианцы, зеленые либертарианцы, диалектические либертарианцы, минархисты и мн. др., их онлайн-сообщества невелики, не превышая несколько тысяч, а, как правило, несколько сотен, причем контент часто повторяется (Свидетели Махновы. Анархисты всех сортов (4499 подписчиков, https://vk.com/svidetelimahnovi)). Традиционно они яростно выступают против этатизма, милитаризма, культурной нетерпимости (включая сексизм, расизм и гомофобию) и господствующего корпоративистского капитализма, ложно называемого «свободным рынком» (Конфедерация анархистских движений (КАД) (291 подписчик, https://vk.com/kad_ifa)). Идеал будущего – децентрализованное общество самоуправляющихся сообществ и рабочих мест, добровольно объединенных в федерацию. Главная стратегия освобождения – пропаганда, прямые действия по созданию альтернативных институтов и новой социальной реальности, вне существующей, индоктринированной эксплуататорами.

7.2.4. *Антифа* в России появилась около 20 лет назад – как левая реакция на взлет в конце прошлого века и начале нынешнего правого движения, носившего весьма агрессивный характер. Идеологически Антифа близка всем остальным, особенно анархистам. Однако концептуально их теоретическая платформа четко не оформлена, их объединяет именно «анти», радикальное отрицание правых взглядов и особенно их практики. Причем отрицание напрямую связано с активными физическими действиями, насилием. Это антипод ультраправых, т.е. ультралевые. С упадком в 2010-х гг. правого движения произошел аналогичный спад и Антифа, который в последнее время усугублен их антивоенной позицией, что приводит к эмиграции и пресечению их активности в социальной сети. В настоящее время «ВКонтакте» найдены лишь несколько более или менее крупных пабликов (Леворадикальный антифашистский союз/Антифа (4253 подписчика, https://vk.com/public38872186); АНТИФА (4246 участников, https://vk.com/antifa_fm)), ос-

тальные насчитывают в своем составе по несколько десятков членов, многие просрочены либо закрыты.

7.2.5. *Левый «микс»* – совсем уже «экзоты», к примеру маоисты, монархо-коммунисты, христианские коммунисты; взгляды их соответственно эклектичны (РМП/Российская маоистская партия (3550 подписчиков, https://vk.com/rusmaoparty); Монархо-коммунизм (1454 участника, https://vk.com/monarchokommunism); Рупор Христианского Коммунизма (1028 участников, https://vk.com/rupor_hristokoma)).

7.3. Модуль политизированного гендера

На почетном третьем месте после леворадикалов – радикально-ориентированные гендерные онлайн-сообщества «ВКонтакте»: феминистки и маскулисты. Причем дамы превалируют – по числу подписчиков их в два раза больше: 1 266 526 в 64 пабликах против 38 пабликов «маносферы» (так называется «информационное пространство прозревших мужчин») с их 604 489 подписчиками.

Справедливости ради, следует отметить, что действительно политических радикалов в гендерно-озабоченных сообществах все же немного, тех, кто гендерные отличия переводит в политическую риторику половой (биологически классовой) борьбы.

Большинство остаются в рамках личных обид неудачного опыта общения с противоположным полом и сформировавшейся половой (женской, мужской) солидарности: «все они такие», и на заметно бóльших по составу женских и мужских форумах, где обмениваются горестным опытом и наставляют молодежь, уча ее уму-разуму реального общения. Их идеологическим форматом являются нерадикальный феминизм и традиционно-патриархатные взгляды (мужчин).

Вообще феминистских пабликов сотни. Однако многие из них вполне либерального типа; также много пабликов женской взаимопомощи и обмена рассказами о мужских россказнях и насилии, равно как и советов жизненно умудренных подруг, женского видения мира, женского искусства, поэзии, литературы, критики, выдающихся женщин и мн. др. Многие паблики реально закрыты, т.е. как минимум не обновляются в текущем году. Вместе с тем лишь ручной перебор результатов (несколько сотен адресов) поиска парсера «Групп со схожей аудиторией» позволил выявить искомое: не просто радикальный феминизм, но 32 паблика, политизированных и агрессивных.

Радфемки требуют аболиционизма (борьбы против рабства) – «отмены сексиндустрии, репродуктивного контроля и принуждения, системного насилия над женщинами, их трудовой дискриминации и принуждения к неоплачиваемому труду и гражданского полноправия». «Женщинам нужны оружие, боевая подготовка, организации, подпольные сети и политическое образование, знания о том, что собой представляет наше угнетение» (Womenation quotes (18+) (6043 подписчицы, https://vk.com/radfem_citati)).

Радикальный феминизм стремится к сепаратизму во всех сферах, создавая пространства *male-free* (Феминизм навсегда: как правильно все запрещать (3402 подписчицы, https://vk.com/feminism_forever)). Сепаратизм бывает двух видов: эска-

пистский (защита от патриархата) и активистский (освобождение от него) (e mot de la fin/последние слова (30 000 подписчиц, https://vk.com/oceanwillz)). Наиболее решительные дамы доводят его до лесбосепаратизма (Лесбиянки-феминистки (2823 подписчицы, https://vk.com/lsfem); Сепаратистский феминизм ~ Выбери женщину (2686 подписчиц, https://vk.com/public194075748)). Самые отчаянные призывают: «Борись, сестра! Движение женщин за власть» (Борись, сестра! Движение женщин за власть (2455 подписчиц, https://vk.com/sestd); Бойчиха (Женщина-боец) #дерись_как_девчонка (3877 участниц, https://vk.com/femalefighter)).

Маскулисты, т.е. та часть мужчин, которые по каким-то причинам стали озабочены «сопротивлением феминистской ненависти к мужчинам» (Мужские новости/Мужской клуб (3092 подписчика, https://vk.com/mensclub2015y0)), представляют собой, по всей видимости, такую же обиженную часть, как и среди феминисток, но с другой стороны. И теми и другими, как известно, не рождаются. Наиболее ярко эта обида выражается в концепции «бабораба». Это выведенная многовековыми женскими усилиями «особая порода мужчин – законченных генетических рабов». У них фатально снижены ментальная и волевая функции, они живут по указаниям своих жен и начальства (Бабораб (13 000 подписчиков, https://vk.com/baborabb)).

Но это все гендерные разборки. Политическая риторика начинается, когда маскулисты начинают делать социальные выводы и притязать на государственные изменения. Так, они полагают, что настоящая причина демографической катастрофы в России – это матриархат, усиленный феминизмом (Мужское Движение (2638 подписчиков, https://vk.com/public197384382)). Государство паразитирует на мужчинах, т.е. эксплуатирует, контролирует (при помощи специфической политики брака-развода), ослабляет (спаивает, разрушает традиционные ценности), потому его называют «антимужским государством», которое превращает мужчин в неспособных к сопротивлению рабов (Мужчины идут своим путем #MGTOW (6533 подписчика, https://vk.com/mgtow_sila)). И риторика доходит до того, что обещают «повесить всю кремлевскую кодлу» (PRO-Ш News (6410 подписчиков, https://vk.com/proshnews)).

7.4. Модуль радикальных либералов

Следует иметь в виду, что радикальные либералы (далее – радлибы) представляют собой радикализовавшуюся часть довольно большой популяции просто людей либеральных взглядов, или, так сказать, умеренных, которых появилось много вследствие того, что по сути все предшествующие почти четверть столетия после 1991 г. либерализм (либеральный капитализм) был почти что официальной идеологией государства. Люди, социализировавшиеся или же прошедшие инкультурацию в это время (1991–2014 гг.), воспринимают данную идеологию почти как «естественную установку». Потому не удивительно, что в «ВКонтакте» довольно много онлайн-сообществ в умеренно-либеральном духе (Классический либерал (24 000 подписчиков, https://vk.com/classical_liberal); Демократический выбор/Республиканцы (141 подписчик, https://vk.com/demchoice); Национал-либералы (1685 участников, https://vk.com/national_liberalism)).

Не будем разбирать причины радикализации части либералов – примем это как факт. Однако по степени радикализации в модуле радлибов отчетливо просматриваются три группы.

7.4.1. Первая из них – это те, кого условно можно назвать «*идеологическими радлибами*», ограничивающимися, судя по контенту их пабликов, весьма выразительной, в градусе мировоззренческого ненавистничества, но все же лишь идеологической риторикой, не выходя в поле политической. Содержание их текстов и мемов: ярый антикоммунизм, пафосные антилевацкие, антисоветские темы. «Мы живем в матрице, созданной совками», которая управляется «автократией, держащей крепко за горло Россию из тьмы минувших веков» (Декоммунизация (15 000 подписчиков, https://vk.com/deccomunization); Сила Слова Атлантов Коммунистической Идеи (14 000 подписчиков, https://vk.com/ssaki_communists); Прямая демократия в России (14 000 подписчиков, https://vk.com/public137033037); КАСС 2.0 – Коалиция АнтиСоветских Сообществ (12 000 участников, https://vk.com/anti_soviet_coalition2_0); Сказки Совков (8059 подписчиков, https://vk.com/skazkisovkov); Госпартия. Разбираем левый бред (6984 подписчика, https://vk.com/commibred); Обозревание бреда леваков (3718 подписчиков, https://vk.com/obozrevaniebl)).

7.4.2. Вторая группа – это «*радлибы «цветной революции*»», классические «дети Сороса» или люди, свято верящие в идеологические конструкции «смены власти путем мирной демократической революции». Как и во многих случаях, свидетелями чего мы являлись последние три десятилетия и в Восточной Европе, и в Азии, и в Африке, они верят, что и в Москве, и во всех крупных городах России на площади выйдут многие сотни тысяч людей, воодушевленных, естественно, требованием демократии. «Дети Сороса» истово надеются, что, как и в других ранее прошедших «цветных революциях», будут созданы палаточные лагеря и в результате длительного, но мирного противостояния власть капитулирует из-за внутренней слабости и раскола элит. В правительство переходного периода войдут лидеры мирной демократической революции, которые проведут первоочередные демократические реформы: люстрацию, честные выборы, независимый суд, свободу слова и пр. Основное их требование – отставка «неэффективного и коррумпированного президента» (Мы Вместе (2593 участника, https://vk.com/smenavlasti?w=club51140553); Бессрочка/Бессрочный Протест (2360 подписчиков, https://vk.com/public171828808); 4 декабря я иду голосовать против Единой России (3582 участника, https://vk.com/event30886138); Проект 13 (4281 подписчик, https://vk.com/illuminat_news)).

7.4.3. Ну и наконец, *радлибы экстремистского толка* (те, которых даже сами люди либеральных взглядов называют «демшизой»). Ненавистнический пафос здесь просто зашкаливает, вполне в духе начала 90-х гг. прошлого столетия. «Кремлевские бандиты стремятся возродить труп Советского Союза», «Украине – победу, России – свободу!» (Протест неформалов!!! Мы тоже люди!! (2488 участников, https://vk.com/club15393370); Комитет 6 мая (1638 подписчиков, https://vk.com/6mayorg); Смотрим и распространяем правду про Путина (260 участников, https://vk.com/club113305672)). И это реально функционирующие в настоящее время паблики.

7.5. Модуль сатанистов

В отношении религиозного экстремизма именно в среде «*VK*» можно сказать следующее: прямые радикальные высказывания, тем более политизированного

свойства, обнаружить здесь практически невозможно, ну, может быть, за исключением намеков и эзопова языка. Это следует объяснить как действенным антиэкстремистским администрированием, так и соответствующим вырабатывавшимся самоцензурированием религиозных сообществ. Особенно это касается традиционных конфессий в России. Конечно, невозможно в силу трудоемкости обработать вручную всевозможные паблики христианской, исламской, иудаистской и буддистской направленности, однако выборочные ознакомления подтверждают этот тезис. Также подобное, и даже в более усиленном варианте, можно сказать и о других религиозных разновидностях – они еще более осторожны, не допуская радикализма.

Вместе с тем есть яркое исключение сообществ, возможно, скорее «псевдо»-религиозного свойства, которые настаивают именно на ложности либо условности господствующей системы моральных нормативных представлений и поведенческих рамок. Это так называемые сатанисты.

Однако, как говорится, «не так страшен черт, как его малюют» – бóльшая часть «темной сферы» «ВКонтакте» имеет скорее художественно-эстетический либо коммерческий характер. Много пабликов музыкальных: *black & death metal*, Мерлин Мэнсон и т.п. Самые большие направления здесь не религиозны, а скорее привлекают, так сказать, «художественную» публику направления «темная эстетика». Здесь мы можем видеть четыре паблика с сотнями и десятками тысяч подписчиков, крупнейшие из которых: *Insanity gallery* (259 000 подписчиков, https://vk.com/galleryhorror); Пляска смерти (66 000 подписчиков, https://vk.com/dancemacabree); Сатанизм (41 000 участников, https://vk.com/satanas_official), Православие головного мозга. Эстетика Сатанизма и Оккультизма (ЭСО) (25 000 подписчиков, https://vk.com/satan_aest). Есть и «мутная» околорелигиозная сфера простонародного невежественного суеверия и предрассудков: сотни пабликов посвящены демонологии, магии (каббале, Вуду и пр.), а также много так называемых ведьм-колдунов – с соответствующими ценниками за «магические услуги».

Кроме того, предостаточно и темной метафизики (в пику «белой», светоносной). Однако в ней есть не только богоборческие тенденции, но и антисоциальные, ибо традиционные религии являются все же «традиционными скрепами» социума.

Сложился консенсус, что самые радикальные религиозные сообщества (или псевдорелигиозные) – это сатанисты, которые вызывают неприятие всех остальных мало-мальски религиозно настроенных людей или просто являются «страшилками» для обывателей. Их общий идеологический и тематический форматы: антихристианизм (они все-таки не вступают в полемику, к примеру, с буддистами или конфуцианцами), переворачивание значений традиционных бинарных оппозиций (добро-зло, прекрасное-безобразное и др.) на 180 градусов, эгоизм крайнего толка, космополитизм, антитрадиционализм, аморализм (условность морали). Здесь, среди тех, кто позиционирует себя «сатанистами», явственно выделяются, в том числе и ими самими, две категории: «лавеисты» (последователи Антона Шандора ЛаВея) и остальные, в разной степени всерьез относящиеся к кандидатуре Сатаны на роль настоящего Бога. Первые, в строгом смысле слова, не религиозны, скорее это контркультурный феномен, современное (с 60-х гг. XX в.) поп-выраже-

ние атеистической скептической традиции. Вторые пытаются играть в ряженых – с разной степени серьезностью и самоосознанностью.

Тем не менее радикализм и тех и других имеет потенциально негативный политический подтекст, ибо разрушает позитивное, на основе традиционных ценностей добра, мира и семьи, мировидение, поддерживаемое согласием основных присутствующих в социуме конфессий. Итак, существует две ипостаси сатанистов.

7.5.1. *Сатанисты лавеистского направления*. О социальном ненавистническом активизме контркультуры сатанизма говорил и сам его основатель, Антон Шандор ЛаВей: «Нам всегда недостаточно было быть просто атеистами – мы научились *крушить* религиозное невежество, играя в их собственные игры, используя страхи, сфабрикованные самими же христианами, *против них* [курсив мой. – *В.К.*]» (Лавеизм (1521 участник, https://vk.com/club23797313)). Наиболее крупных пабликов лавеистов мы насчитали восемь с общим числом подписчиков 63 894, крупнейший из них – Хаос (57 000 подписчиков, https://vk.com/chaos_brand_tm).

7.5.2. *«Религиозные» сатанисты*. Однако «лавеизм» занимает относительно небольшую долю этого «темного» спектра онлайн-религиозности «ВКонтакте» и довольно маргинальную, скорее для скептически настроенных интеллектуалов. Гораздо значительнее масса недалеких молодых людей, для которых выворачивание смыслов, так сказать, «наоборот» – со светлого на темное – представляется новым откровением и последним заветом. Таких, с позволения сказать, «религиозных» сатанистов мы нашли в «*VK*» 34 актуальных паблика с совокупным числом подписчиков 242 751, т.е. почти в четыре раза больше, чем «лавеистов». Самый большой паблик – Восход Люцифера/*Lucifer Rising* (40 000 участников, https://vk.com/lucifer_rising666). Таким образом, общее число сатанистов в «*VK*» – 42 сообщества с числом участников 306 645.

Заключение

Итак, можно сказать, что топография виртуального пространства радикальных онлайн-сообществ с политизированной риторикой «ВК» предстает в виде пяти основных модулей.

1) модуль правых радикалов с секторами:

– государственников, объединяемых на основе национально-государственной идеи;

– националистов, сплотившихся национальной идеей («политических русских»);

– расистов, в основе общности которых лежит идея «славянской расы» (рода «русичей»);

– православных монархистов, соединенных идеями «самодержавия, православия и народности»;

2) модуль леворадикалов с сегментами:

– реставрационного коммунизма (социализма), объединенных верой-ностальгией в правоту советского марксизма и советской политической практики;

– новых левых, сторонников модернизации идеологии социалистического развития;

– анархистов, интегрированных критикой этатизма, милитаризма и культурной нетерпимости; за создание децентрализованного общества самоуправляющихся сообществ;

– Антифа, консолидированных радикальным отрицанием правых взглядов и особенно фашистских практик;

3) модуль политизированного гендера с частями:

– радикальных феминисток, солидаризованных идеями борьбы против «женского рабства» и «патриархата», за женский сепаратизм и пространства *male-free*;

– маскулистов, группирующихся борьбой против «матриархата, осложненного феминизмом», «антимужского государства»;

4) модуль радикальных либералов с фракциями:

– «идеологических радлибов», объединенных антикоммунистической и антисоветской риторикой;

– «радлибов «цветной революции»», верящих в идеологические конструкции «смены власти путем мирной демократической революции»;

– радлибов экстремистского толка, спаянных фанатичной убежденностью в безоговорочной правоте основных современных леволиберальных мифов, которые следует реализовать с «большевистской» насильственной решимостью;

5) модуль сатанистов в ипостасях:

– сатанисты лавеистского направления, для которых Сатана – скорее социокультурный символ свободомыслия, вольнодумства, скепсиса, морального релятивизма, воли к самоутверждению, рационализма против суеверия, контркультурное выражение атеизма;

– «религиозные» сатанисты, в разной степени всерьез относящиеся к кандидатуре Сатаны на роль настоящего Бога.

Между модулями существует ряд связей, как однозначных, так и неоднозначных:

– модули представляют собой, как правило, совокупность разных частей, спаянных, идеологически и тематически, отношениями комплементарности, хотя и не без разногласий;

– единственное, но серьезное исключение из внутренних отношений комплементарности среди модулей радикалов – гендерный модуль, разрываемый антагонистическими отношениями, хотя и на основе имманентного «полового притяжения»; феминистки находятся в комплементарных отношениях с модулем радикальных либералов, маскулисты – с модулем правых радикалов;

– между правыми и левыми радикалами связи в целом антагонистичны, за исключением создания «химер» (например, «монархо-коммунизм», «национал-либералы»);

– в силу «левизны» мейнстрима современных радикальных либералов у них наблюдаются некоторые притяжение и симпатия к ряду левых идеологий (анархизм, Антифа) и антагонизм в целом к модулю правых радикалов;

– модуль сатанистов в силу его религиозно-культурной токсичности находится в целом в изоляции от других, за исключением, разве что анархистов.

В результате проведенного исследования как подтвердились некоторые наши предположения, так и были выявлены тенденции непредвиденные. Хотя, как и ожи-

далось, основу радикализма и сейчас образуют правые и левые, доминирование левых сменилось доминированием правых. Джихадистский экстремизм, долгое время преобладавший в России в составе религиозного радикализма, ушел, по всей видимости, в рецессив или по крайней мере не представлен значимым образом (зачищен?) в виртуальном пространстве «ВКонтакте». Вместе с тем подтвердилось предположение по поводу сатанизма как влиятельной и активной деструктивной силы, требующей существенного внимания и регулятивных действий. Ожидаемое сильное присутствие в социальной сети «*VK*» радикальной несистемной оппозиции не подтвердилось. Можно констатировать успешность активного администрирования в отношении пабликов радикальных либералов. Подтвердилось предположение об активизации националистических и патриотических пабликов в связи со спецификой переживаемого момента.

Итак, обнаруженные новые аспекты в конфигурации виртуального пространства «ВКонтакте» можно суммировать следующим образом: переход лидерства к правому сектору политического поля, в том числе и под влиянием текущих событий, рост ультра-патриотизма, вызванного СВО; сохранение статуса-кво численности левых; уход из легального онлайн-поля радикального джихадизма, в том числе и под влиянием улучшения администрирования социальной сети; существенное уменьшение влияния и числа радикальных либералов; непропорционально большое количество пабликов и численности сатанистов, вызванное, вероятно, игнорированием этой проблемы со стороны традиционных конфессий и других, нравственно благонадежных религиозных течений.

Пристатейный библиографический список

1. *Кузьмин А. Г.* «Правый» Интернет в России : специфика развития и проблемы противодействия // Политекс. 2008. Т. 4. № 3.

2. Статистика социальных сетей. Возраст и пол авторов // Brand Analytics : сайт. URL: https://br-analytics.ru/statistics/author/vk/202305/20 (дата обращения: 09.03.2023).

3. *Пырма Р. В.* Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 1.

4. *Бизина М. Ю.* Сравнительный анализ понятия «радикализм» с правовой и общественной точек зрения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63.

5. *Савельева Е. Н. и др.* Политическая активность в сети как просьюмерская деятельность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44.

6. *Никитина Т. А., Терентьева И. А.* Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 3.

7. *Бутенко А. С.* Экстремизм в сети Интернет : понятие и сущность // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89).

8. *Буткевич С. А.* Экстремизм и терроризм в киберпространстве : выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД. 2018. № 1 (39).

9. *Нерубенко А. С., Елисеева Е. С.* Экстремизм как социально-правовое явление : распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 1.

10. *Пащенко И. В.* Идеология террористических сообществ в сети Интернет : технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (2).

11. *Негров Е. О.* Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2021. Т. 23. № 1.

12. *Титов В. В.* Стратегии социального протеста молодежи в Рунете : сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2020. № 3.

13. *Пырма Р. В.* Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6.

14. *Иванов А. В., Козлов В. Е.* Конструирование радикальной субкультурной идентичности в культурно сложном обществе // Казанский педагогический журнал. 2020. № 5.

15. *Курбатов В. И. и др.* Молодежная субкультура в сетевых сообществах : приоритеты молодежи в социальных сетях и трансформация социально-информационного поведения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10.

16. *Isenhardt A. et al.* Identity Diffusion and Extremist Attitudes in Adolescence // Front. Psychol. 2021. No. 12.

17. *Nivette A. et al.* Understanding Changes in Violent Extremist Attitudes During the Transition to Early Adulthood // Journal Quant. Criminol. 2022. No. 38.

18. *Van den Bos K.* Unfairness and Radicalization // Annu. Rev. Psychol. 2020. No. 71.

19. *Kruglanski A.W. et al.* The Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives, and Networks. Oxford: Oxford University Press, 2019.

20. *Bäck E. A. et al.* The Quest for Significance: Attitude Adaptation to a Radical Group Following Social Exclusion // Int. J Dev. Sustain. 2018. No. 12.

21. *Schils N. et al.* Understanding How and Why Young People Enter Radical or Violent Extremist Groups // Int. J Confl. Violence. 2017. No. 11.

22. *Кашпур В. В. и др.* Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа : специфика контента и индекс активности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467.

23. *Платонов К. А., Юдина Д. И.* Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 5.

24. *Федорченко С. Н.* Политические идентичности в социальных сетях Интернета // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 2.

25. *Федорченко С. Н.* Глобальное исследование политизации социальных сетей // Обозреватель-Observer. 2016. № 8 (319).

26. *Суслов С. И.* Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ «ВКонтакте» // Вестник СПбГУ. Сер. 12 : Социология. 2016. Вып. 4.

27. *Багненко В. А.* Идентификация современных направлений русского национализма // Colloquium-journal. 2019. № 2 (26).

28. *Кочетков А. В.* Азовский черный интернационал // Вопросы национализма. 2018. № 1 (31).

29. *Лукичев П. Н.* Пограничные идеологемы правого радикализма в студенческой среде Ростовской области // Озор. НЦПТИ. 2018. Вып. 1 (12).

30. *Поцелуев С. П.* Мигрирующие концепты правого радикализма в аттитюдах студенческой молодежи Дона // Политическая наука. 2018. № 4.

31. *Самойлов С. Ф.* Внешние признаки субкультуры участников праворадикального движения нс-скинхедов // Общество и право. 2016. № 1 (55).

32. Русский национализм : идеология и настроение / сост. : А. Верховский. М. : Центр «Сова», 2006.

33. *Miagkov M. et al.* A Comparative Analysis of Right-Wing Radical and Islamist Communities' Strategies for Survival in Social Networks (Evidence from the Russian Social Network VKontakte) // Media, War & Conflict. 2020. No. 13 (4).

34. *Голев Н. Д.* Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44).

35. *Colley T., Moore M.* The Challenges of Studying 4chan and the Alt-Right : "Come on in the Water's Fine" // New Media & Society. 2022. No. 24 (1).

36. *Thorleifsson C.* From Cyberfascism to Terrorism : On 4chan/pol/ Culture and the Transnational Production of Memetic Violence // Nations and Nationalism. 2022. No. 28 (1).

37. *Pasieka A.* "Tomorrow Belongs to Us" : Pathways to Activism in Italian Far-Right Youth Communities // Comparative Studies in Society and History. 2022. No. 64 (1).

38. *Kleinberg B. et al.* The Temporal Evolution of a Far-Right Forum // J Comput. Soc. Sc. 2021. No. 4.

39. *Thompson J., Hawley G.* Does the Alt-Right Still Matter? An Examination of Alt-Right Influence Between 2016 and 2018 // Nations and Nationalism. 2021. No. 27 (4).

40. *van der Vegt I.* et al. Online Influence, Offline Violence: Language Use on YouTube Surrounding the "Unite the Right" Rally // J Comput. Soc. Sc. 2021. No. 4.

41. *Forscher P. S., Kteily N. S.* A Psychological Profile of the Alt-Right // Perspectives on Psychological Science. 2020. No. 15 (1).

42. *Hodge E., Hallgrimsdottir H.* Networks of Hate: The Alt-Right, "Troll Culture", and the Cultural Geography of Social Movement Spaces Online // Journal of Borderlands Studies. 2020. No. 35 (4).

43. *Klein O., Muis J.* Online Discontent : Comparing Western European Far-Right Groups on Facebook // European Societies 2019. Vol. 21 (4).

44. *Bliuc A.-M. et al.* Collective Identity Changes in Far-Right Online Communities : The Role of Offline Intergroup Conflict // New Media & Society. 2019. No. 21 (8).

45. *Самойлов С. Ф., Алексеенко И. Л.* История формирования и социальная структура современной российской леворадикальной среды // Общество и право. 2018. № 4 (66).

46. *Кузьмин А. Г.* Субкультура антифа как социально-политический феномен : опыт изучения в г. Сыктывкаре // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2016. № 1 (25).

47. *Дьорич М.* Идеологические и коммуникационные аспекты современного ультралевого экстремизма и терроризма // Государственное управление. 2015. Вып. 53.

48. *Сергеев С. А.* Левые радикалы в российской провинции // Политэкс. 2013. № 1.

49. *Беликов С. В.* Антифа. Молодежный экстремизм в России. М. : Алгоритм. 2012.

50. *Голев Н. Д., Шанина А. В.* Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием (сопоставительное лингвистическое исследование) // Политическая лингвистика 2013. № 2 (44).

51. *Alizadeh M. et al.* Psychology and Morality of Political Extremists: Evidence from Twitter Language Analysis of Alt-Right and Antifa // EPJ Data Sci. 2019. No. 8.

52. *Arlow J.* Antifa Without Fascism : The Reasons Behind the Anti-Fascist Movement in Ireland // Ir Polit Stud. 2020. No. 35 (1).

53. *Klein A.* From Twitter to Charlottesville : Analyzing the Fighting Words Between the Alt-Right and Antifa // International Journal of Communication. 2019. No. 13.

54. *LaFree G.* Is Antifa a Terrorist Group? // Society. 2018. No. 55 (3).

55. *Пащенко И. В.* Идеология террористических сообществ в сети Интернет : технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. No. 1 (2).

56. *Излученко Т. В.* Использование методов интерпретативной антропологии в исследовании исламского экстремизма // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение» 2017. Т. 19.

57. *Султанахмедова З. Г.* Специфика исламского экстремизма // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 2.

58. *Стышинский М.* Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59).

59. *Farooqui J. F., Kaushik A.* Growing Up as a Muslim Youth in an Age of Islamophobia : A Systematic Review of Literature // Cont. Islam. 2022. No. 16.

60. *Lucas K., Baldino D.* White Knights, Black Armour, Digital Worlds : Exploring the Efficacy of Analysing Online Manifestos of Terrorist Actors in the Counter Terrorism Landscape // Counter-Terrorism, Ethics and Technology: Advanced Sciences and Technologies for Security Applications. Cham : Springer, 2021.

61. *Nilsson M.* Jihadiship : From Radical Behavior to Radical Beliefs // Studies in Conflict & Terrorism. 2021. No. 44 (3).

62. *Cottee C., Cunliffe J.* Watching ISIS : How Young Adults Engage with Official English-Language ISIS Videos // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. No. 43(3).

63. *Pearson E.* Online as the New Frontline : Affect, Gender, and ISIS-Take-Down on Social Media // Studies in Conflict & Terrorism. 2018. No. 41(11).

64. *Awan I.* Cyber-Extremism : ISIS and the Power of Social Media // Society. 2017. No. 54.

65. *Кузнецов С. А. и др.* Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной сети // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 59.

66. *Карпова А. Ю. и др.* Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52.

67. *Красиков В. И.* «Хейтеры» в российском сегменте Интернета // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59.

68. *Красиков В. И., Фоменко Е. В.* Группы ненависти в Рунете : ареалы интернет-распространения и типология // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4.

69. *Красиков В. И., Фоменко Е. В.* Радикальные интернет-позиции неполитического формата : узнаваемость и влиятельность среди современной российской студенческой молодежи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : История и право. 2020. Т. 10. № 6.

70. *Комалова Л. Р.* Язык вражды в публичном дискурсе Интернета // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание. 2021. № 2.

71. *Громова Н. С.* Конституирующие признаки экстремистского дискурса // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65).

72. *Аверина О. Р., Байков Н. М.* Экстремистская символика в интернет-пространстве как фактор угрозы социализации молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80).

73. *Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.* Социолингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44).

74. *Chiril P. et al.* Emotionally Informed Hate Speech Detection : A Multi-Target Perspective // Cogn. Comput. 2022. No. 14.

75. *Salminen J. et al.* Developing an Online Hate Classifier for Multiple Social Media Platforms // Hum. Cent. Comput. Inf. Sci. 2020. No. 10 (1).

76. *Campedelli G. et al.* A Complex Networks Approach to Find Latent Clusters of Terrorist Groups // Appl. Netw. Sci. 2019. No. 59 (4).

77. *Miró-Llinares F. et al.* Hate Is in the Air! But Where? Introducing an Algorithm to Detect Hate Speech in Digital Microenvironments // Crime. Sci. 2018. No. 15 (7).

78. *Burnap P., Williams M. L.* Us and Them : Identifying Cyber Hate on Twitter Across Multiple Protected Characteristics // EPJ Data Sci. 2016. No. 11 (5).

References

1. *Kuzmin A. G.* "Right" Internet in Russia: Specifics of Development and Problems of Countermeasures. *Politex*, 2008, vol. 4, no. 3. (In Russ.)

2. Social Network Statistics. Age and Gender of the Authors. URL: https://br-analytics.ru/statistics/author/vk/202305/20 (date of the application: 09.03.2023). (In Russ.)

3. *Parma R. V.* Modern Interpretation of Political Radicalism in Civil Activity. *Humanities. Bulletin of Financial University*, 2022, vol. 12, no. 1. (In Russ.)

4. *Bizina M. Iu.* Comparative Analysis of the Concept of "Radicalism" from the Legal and Social Points of View. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, no. 63. (In Russ.)

5. *Savelieva E. N. et al.* Political Activity in the Network as a Prosumer Activity. *Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art History*, 2021, no. 44. (In Russ.)

6. *Nikitina T. A., Terentieva I. A.* Countering the Spread of Extremist Ideology in the Information Space of Russia. *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2019, vol. 19, no. 3. (In Russ.)

7. *Butenko A. S.* Extremism on the Internet: Concept and Essence. *Lawyer*, 2019, no. 2 (89). (In Russ.)

8. *Butkevich S. A.* Extremism and Terrorism in Cyberspace: Detection, Neutralization and Prevention. *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs*, 2018, no. 1 (39). (In Russ.)

9. *Nerubenko A. S., Eliseeva E. S.* Extremism as a Social and Legal Phenomenon: Distribution of Extremist Materials on the Internet. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1. (In Russ.)

10. *Pashchenko I. V.* Ideology of Terrorist Communities on the Internet: Technologies of Distribution and Specifics of Counteraction. *Caucasian Science Bridge*, 2018, no. 1 (2). (In Russ.)

11. *Negrov E. O.* The Role and Features of Youth Political Online Activism in Modern Russia. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 2021, vol. 23, no. 1. (In Russ.)

12. *Titov V. V.* Social Protest Strategies of Youth in Runet: Comparative Analysis of Generations Y and Z. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, 2020, no. 3. (In Russ.)

13. *Pyrma R. V.* Protest Moods of Russian Youth in the Digital Network. *Humanities. Bulletin of Financial University*, 2019, no. 9 (6). (In Russ.)

14. *Ivanov A. V., Kozlov V. E.* Construction of a Radical Subcultural Identity in a Culturally Complex Society. *Kazan Pedagogical Journal*, 2020, no. 5. (In Russ.)

15. *Kurbatov V. I. et al.* Youth Subculture in Online Communities: Youth Priorities in Social Networks and the Transformation of Social and Informational Behavior. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 2019, no. 10. (In Russ.)

16. *Isenhardt A. et al.* Identity Diffusion and Extremist Attitudes in Adolescence. *Front. Psychol.*, 2021, no. 12.

17. *Nivette A. et al.* Understanding Changes in Violent Extremist Attitudes During the Transition to Early Adulthood. *Journal Quant. Criminol.*, 2022, no. 38.

18. *Van den Bos K.* Unfairness and Radicalization. *Annu. Rev. Psychol.*, 2020, no. 71.

19. *Kruglanski A. W. et al.* The Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives, and Networks. Oxford: Oxford University Press, 2019.

20. *Bäck E. A. et al.* The Quest for Significance: Attitude Adaptation to a Radical Group Following Social Exclusion. *Int. J Dev. Sustain.*, 2018, no. 12.

21. *Schils N. et al.* Understanding How and Why Young People Enter Radical or Violent Extremist Groups. *Int. J Confl. Violence*, 2017, no. 11.

22. *Kashpur V. V. et al.* Representation of Radical Communities in Russian Social Media: Content Specificity and Activity Index. *Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 467. (In Russ.)

23. *Platonov K. A., Iudina D. I.* The Agenda of the Protest Online Communities of St. Petersburg on VKontakte. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 5. (In Russ.)

24. *Fedorchenko S. N.* Political Identities in Social Networks of the Internet. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2017, no. 2. (In Russ.)

25. *Fedorchenko S. N.* Global Study of the Politicization of Social Networks. *Obozrevatel-Observer*, 2016, no. 8 (319). (In Russ.)

26. *Suslov S. I.* Clusters of St. Petersburg Political Online Communities "VKontakte". *Bulletin of St. Petersburg State University, Ser.* 12*: Sociology*, 2016, issue 4. (In Russ.)

27. *Bagnenko V. A.* Identification of Modern Trends in Russian Nationalism. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 2 (26). (In Russ.)

28. *Kochetkov A. V.* Azov Black International. *Issues of Nationalism*, 2018, no. 1 (31). (In Russ.)

29. *Lukichev P. N.* Borderline Ideologemes of Right-Wing Radicalism in the Student Environment of the Rostov Region. *Ozor. NCPTI*, 2018, issue 1 (12). (In Russ.)

30. *Potseluev S. P.* Migrating Concepts of Right-Wing Radicalism in the Attitudes of Don Students. *Political Science*, 2018, no. 4. (In Russ.)

31. *Samoilov S. F.* External Signs of the Subculture of Participants in the Right-Wing Radical Movement of NS-Skinheads. *Society and Law*, 2016, no. 1 (55). (In Russ.)

32. *Verkhovskii A. (ed.).* Russian Nationalism. Moscow: Center "Owl", 2006. (In Russ.)

33. *Miagkov M. et al.* A Comparative Analysis of Right-Wing Radical and Islamist Communities' Strategies for Survival in Social Networks (Evidence from the Russian Social Network VKontakte). *Media, War & Conflict*, 2020, no. 13 (4). (In Russ.)

34. *Golev N. D.* Ordinary Political Discourse on Runet Websites with Fascist and Anti-Fascist Content. *Political Linguistics*, 2013, no. 2 (44). (In Russ.)

35. *Colley T., Moore M*. The Challenges of Studying 4chan and the Alt-Right: "Come on in the Water's Fine". *New Media & Society*, 2022, no. 24 (1).

36. *Thorleifsson C.* From Cyberfascism to Terrorism: On 4chan/pol Culture and the Transnational Production of Memetic Violence. *Nations and Nationalism*, 2022, no. 28 (1).

37. *Pasieka A*. "Tomorrow Belongs to Us": Pathways to Activism in Italian Far-Right Youth Communities. *Comparative Studies in Society and History*, 2022, no. 64 (1).

38. *Kleinberg B. et al.* The Temporal Evolution of a Far-Right Forum. *J Comput. Soc. Sc.*, 2021, no. 4.

39. *Thompson J., Hawley G*. Does the Alt-Right Still Matter? An Examination of Alt-Right Influence Between 2016 and 2018. *Nations and Nationalism*, 2021, no. 27 (4).

40. *van der Vegt I. et al.* Online Influence, Offline Violence: Language Use on YouTube Surrounding the "Unite the Right" Rally. *J Comput. Soc. Sc.*, 2021, no. 4.

41. *Forscher P.S., Kteily N.S.* A Psychological Profile of the Alt-Right. *Perspectives on Psychological Science*, 2020, no. 15(1).

42. *Hodge E., Hallgrimsdottir H*. Networks of Hate: The Alt-Right, "Troll Culture", and the Cultural Geography of Social Movement Spaces Online. *Journal of Borderlands Studies*, 2020, no. 35(4).

43. *Klein O., Muis J.* Online Discontent: Comparing Western European Far-Right Groups on Facebook. *European Societies*, 2019, no. 21 (4).

44. *Bliuc A.-M. et al.* Collective Identity Changes in Far-Right Online Communities: The Role of Offline Intergroup Conflict. *New Media & Society*, 2019, no. 21 (8).

45. *Samoilov S. F., Alekseenko I. L.* The History of the Formation and Social Structure of the Modern Russian Radical Left Environment. *Society and Law*, 2018, no. 4 (66). (In Russ.)

46. *Kuzmin A. G.* Antifa Subculture as a Socio-Political Phenomenon: The Experience of Studying in Syktyvkar. *News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 1 (25). (In Russ.)

47. *Diorich M.* Ideological and Communication Aspects of Modern Ultra-Left Extremism and Terrorism. *Public Administration*, 2015, issue 53. (In Russ.)

48. *Sergeev S. A.* Left Radicals in the Russian Provinces. *Politex*, 2013, no. 1. (In Russ.)

49. *Belikov S. V.* Antifa. Youth Extremism in Russia. Moscow: Algorithm, 2012. (In Russ.)

50. *Golev N. D., Shanina A. V*. Ordinary Political Discourse on Runet Websites with Fascist and Anti-Fascist Content (Comparative Linguistic Research). *Political Linguistics*, 2013, no. 2 (44). (In Russ.)

51. *Alizadeh M. et al.* Psychology and Morality of Political Extremists: Evidence from Twitter Language Analysis of Alt-Right and Antifa. *EPJ Data Sci.*, 2019, no. 8.

52. *Arlow J.* Antifa Without Fascism: The Reasons Behind the Anti-Fascist Movement in Ireland. *Ir Polit Stud*., 2020, no. 35 (1).

53. *Klein A.* From Twitter to Charlottesville: Analyzing the Fighting Words Between the Alt-Right and Antifa. *International Journal of Communication*, 2019, no. 13.

54. *LaFree G.* Is Antifa a Terrorist Group? *Society*, 2018, no. 55(3).

55. *Pashchenko I. V.* Ideology of Terrorist Communities on the Internet: Technologies of Distribution and Specifics of Counteraction. *Caucasian Science Bridge*, 2018, no. 1 (2). (In Russ.)

56. *Izluchenko T. V.* Using the Methods of Interpretive Anthropology in the Study of Islamic Extremism. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies"*, 2017, vol. 19. (In Russ.)

57. *Sultanakhmedova Z. G.* The Specifics of Islamic Extremism. *Islamic Studies*, 2017, vol. 8, no. 2. (In Russ.)

58. *Styshinskii M.* Jihadist Propaganda on the Internet and Social Media. *Political Linguistics*, 2016, no. 5 (59). (In Russ.)

59. *Farooqui J. F., Kaushik A.* Growing Up as a Muslim Youth in an Age of Islamophobia: A Systematic Review of Literature. *Cont. Islam.*, 2022, no. 16.

60. *Lucas K., Baldino D.* White Knights, Black Armour, Digital Worlds: Exploring the Efficacy of Analysing Online Manifestos of Terrorist Actors in the Counter Terrorism Landscape. In Counter-Terrorism, Ethics and Technology: Advanced Sciences and Technologies for Security Applications. Cham: Springer, 2021.

61. *Nilsson M.* Jihadiship: From Radical Behavior to Radical Beliefs. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2021, no. 44 (3).

62. *Cottee C., Cunliffe J.* Watching ISIS: How Young Adults Engage with Official English-Language ISIS Videos. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2020, no. 43 (3).

63. *Pearson E.* Online as the New Frontline: Affect, Gender, and ISIS-Take-Down on Social Media. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2018, no. 41 (11).

64. *Awan I.* Cyber-Extremism: Isis and the Power of Social Media. *Society*, 2017, no. 54.

65. *Kuznetsov S. A. et al.* Automated Detection of Cross-Links of Users of Ultra-Right Communities in a Social Network. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, no. 59. (In Russ.)

66. *Karpova A. Iu. et al.* New Technologies for Identifying Far-Right Extremist Communities in Social Media. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2019, no. 52. (In Russ.)

67. *Krasikov V. I.* "Haters" in the Russian Segment of the Internet. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, no. 59. (In Russ.)

68. *Krasikov V. I., Fomenko E. V.* Hate Groups in Runet: Areas of Internet Distribution and Typology. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2020, no. 4. (In Russ.)

69. *Krasikov V. I., Fomenko E. V.* Radical Internet Positions of a Non-Political Format: Recognizability and Influence Among Modern Russian Student Youth. *Bulletin of South-Western State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 6. (In Russ.)

70. *Komalova L. R.* Hate Speech in the Public Discourse of the Internet. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 6, Linguistics*, 2021, no. 2. (In Russ.)

71. *Gromova N. S.* Constituent Signs of Extremist Discourse. *Political Linguistics*, 2017, no. 5 (65). (In Russ.)

72. *Averina O. R., Baikov N. M.* Extremist Symbols in the Internet Space as a Threat to the Socialization of Youth. *Power and Management in the East of Russia*, 2017, no. 3 (80). (In Russ.)

73. *Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ia.* Sociolinguistic Markers of Extremist Text. *Humanitarian Vector*, 2015, no. 4 (44). (In Russ.)

74. *Chiril P. et al.* Emotionally Informed Hate Speech Detection: A Multi-Target Perspective. *Cogn. Comput.*, 2022, no. 14.

75. *Salminen J. et al.* Developing an Online Hate Classifier for Multiple Social Media Platforms. *Hum. Cent. Comput. Inf. Sci.*, 2020, no. 10 (1).

76. *Campedelli G. et al.* A Complex Networks Approach to Find Latent Clusters of Terrorist Groups. *Appl. Netw. Sci.*, 2019, no. 59 (4).

77. *Miró-Llinares F. et al.* Hate Is in the Air! But Where? Introducing an Algorithm to Detect Hate Speech in Digital Microenvironments. *Crime. Sci.*, 2018, no. 15 (7).

78. *Burnap P., Williams M. L.* Us and Them: Identifying Cyber Hate on Twitter Across Multiple Protected Characteristics. *EPJ Data Sci.*, 2016, no. 11 (5).

Сведения об авторе:

В. И. Красиков – доктор философских наук, профессор.

Information about the author:

V. I. Krasikov – Doctor of Philosophy, Professor.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted to the editorial office 06.07.2023; approved after reviewing 21.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.